

МАЛИНОВЫЙ РАЙ

Как же мне нравится дома. За окном метет дождь, и мокрые белки как старые груши на голых ветках, а тут печка под боком, и пахнет зимой. Некоторые люди не созданы, чтоб на работу ходить. Кто-то должен делать наблюдения.

Вчера, кстати, показывали профессора одного по лягушкам, так он и сам на жабу похож как мать родная. Потом еще кролики мне садовые приснились, под пятницу как раз. Шухер и Ватрушка. Кудрявые такие, белые кролики. Глиняные. Чего теперь, кроликов брать? Вот и пойми.

Так что завели мы себе Пушкина, из уважения к родной литературе, ну и для ностальгии тоже. Вот пишу сейчас, а вокруг наше все скачет, с носком в зубах. А ведь их у мамки было восьмеро. И Пушкин, мало что лысоват, он еще ногами поначалу заплетался: передние хорошо бежали, а задние влево заваливались. Так ведь и у классика нашего не все сразу были дома...

Эта прекрасная картина японских узкоглазых кошек, которые собираются и едят рис, и корни олеандра, и кору сирени, и еще какие-то лепестки – это так красиво, немножечко по-немецки. Я, пожалуй, попробую купить Пушкину травы. Тут продается, овес называется, да еще кошачья мята – это, впрочем, не вполне для кота витамины, это, пожалуй, от нервов.

А вот еще, ветеринары сообщают, шимпанзе, заболевши, удаляются от стаи, взбираются на деревья и кушают там листья... То же и больные кони.

Коробок говорит, что когда меня переведут на катакану, я тоже стану классиком японской литературы.

Какое-то сонное время эта зима. Хочется свернуться в одеяле и никуда не ходить. А на прошлой неделе мороз ударил страшный, и стало минус один с утра, и школы все закрыли, потому что black ice alert. По хайвею ездить опасно: черный лед. А почему все – дороги слишком хорошие.

Церкви старые вручную делали, потому и симметрии в них мало. Они живые получались, кривые, как деревья. В природе правильности нет, а кривизну можно рассматривать бесконечно.

Какие чудесные имена у японских кошек. Рамудзя, Йюмин, Мун-мун, Гурэ то Маруко, хулиган Банадо и притулившаяся в уголке София. А Томато! Ах, Томато! Надо бы Пушкину помидоры к новому году отрезать, вот что. И к весне тогда, садоводы сказывают, вырастет на этом месте ум. А может и не ум никакой, а так, незабудочки.

А если кот непотребство какое устроит в доме. Бить не надо ни в коем случае, это унижает. Это может подорвать в коте веру в себя, в свои силы. Нужно подзывать к месту безобразия, заглянуть в глаза ему очень душевно, и сказать:

– Как ты мог?!

И не гладить, главное, не гладить при этом.

Потом другой раз позвать, и снова:

– Как ты мог!

Очень, очень действует. Лет пять – и вы своего кота просто не узнаете.

Уж вся извелась, так за помидоры совестно – сил нет. Купила на нервной почве еще одну вязанку мышей для Пушкина и удочку с хвостом для беганья. Одну причем особенно крупную мышь сторговала за два бакса – дороговато конечно, но мышь качественная, пухнастая, прям хоть себе бери, да уж ладно.

Он мою фиалку на прошлой неделе съел, чтоб вы знали.

Главное, купили ведь ему витамины-то в тубике, и он тубик этот жевал не хуже Гагарина. А потом тишком, тишком – и до фиалочки. У нее листики как котлетки были. Все бутонь оторвал. Смотреть противно. А вот отрежут ему щас томаты эти, и не будет он фиалку мою трогать, дрянь такая.

Лежу тут, как утконос в детстве: прикрываю лысым хвостом короткий клюв, а задней ногой – лысый хвост. Если беспокоят, тихо взлаиваю.

В Ботсване слоны приходят умирать в одно определенное место. Там много костей валяется – белые, сухие, их издали видно. Слоновое кладбище. И ходят туда слоновые бабушки. Старые черные слоники, морщинистые и пыльные. Они гладят эти косточки хоботом и плачут. Длинные белые бивни трогают. У них слезы из глаз катятся. Это я не выдумала. Это Африка.

На Арбате рыцарь был до последнего времени, на Садовом кольце еще дом с рыцарем, возле Полянки тоже, и в Харитоньевском. Это русские купцы привезли готику в Москву. Староверы, домострой, раскольники. Сами себя поднявшие, неукротимые, темные: как они жаждали прикоснуться к этой древней британской культуре, как соперничали с ней. Как хотели они унести из нее хоть что-то: хоть тюдоровское окно, хоть башенку, хоть контрафорс – к себе, в свою медвежью страну. Им кружили голову те самые castles, в которых так люто и тягостно жили их основатели: они видели здесь оплот для своей души, зрительный символ прочности и вневременности. Они хотели обрести место, где останутся витать их мечты столетиями после того, как их уже не будет.

– Нам даже трудно вообразить себе, на что поднимется радостно разрушающая рука наших потомков, – написал тогда Блок. Нам уже не нужно это воображать. А рыцари еще стоят. Кто знает, какие духи их охраняют.

На прошлой неделе у нас в вавилоне пошел густой снег. В понедельник праздновали святого Лютера Кинга нашего. Государевы работники непременно этого жулика отмечают, и почта не работает, суды закрыты, а также все пограничные организации, и разведка. И школы были закрыты тоже.

А во вторник – снег. Красивый такой, медленный. Температура была минус два, примерно. Америка вся вышла на борьбу со стихией, тут это любят. Столетняя

старушка в Миннесоте вручную прокопала проход к хайвею для своего трака, за полчаса выполнив работу двух экскаваторов. Неслыханные морозы ударили также в Техасе, а в Калифорнии замерзли апельсиновые фьючерсы. Теперь взлетят цены на лимоны, причем нелегалам во Флориде дадут за все за это только бесплатное жилье и денежную помощь, а харчей гуманитарных не дадут совсем. Шварценеггер потому что, собака, сказал, не может закон нарушать. По телеку все время экстренные репортажи шли, военным голосом.

У нас народ тоже помогал как мог, привязывали санки к джипам и катали детей, сшибая дорожные знаки, и баб лепили повсюду. К среде, правда, все растаяло, но не работали все равно до пятницы, чтобы даже тень от опасности исчезла.

Теперь плюс шесть, и никаких шансов на снег, но дети говорят, есть еще надежда, может, в феврале чего-нибудь заморозится. А фиг оно заморозится, глупые дети. Тут в феврале все цвести уже начинает.

Сиюю вот у монитора, а на душе тревожно. Что ждет тебя завтра, Америка?

Франклин-Родригес-Мендоза-джуниор, Эстефания Джесайя Веласкес, Миранда-Росас-Валле с братом и еще четырнадцать человек на вокзале.

А один пилот увидел на крыле у себя чертика. На высоте это было. Тот сидел и болтал ножками. А может и еще кой-чего, не знаю. Пилот расстроился страшно, потому что, во-первых, не пил, во-вторых, мечтал о небе постоянно. А с чертиком могут не разрешить летать, вот что.

Он никому не сказал, только написал об этом на форуме: что делать? Авиаторы парни молодые, грубые, все стали над ним потешаться. И видно было, что никто не верит. Пока не пришел один очень опытный летчик. И рассказал, что у них в авиаотряде такое было. Там один тоже авиатор увидел на крыле у себя белочку.

Диспетчер его спрашивает, авиационными словами: – К вылету готов?

А тот по-авиационному тоже отвечает:

– К вылету готов, только у меня белочка. Слева.

Все, его практически поперли с летчиков, пока в последний момент комиссия не выяснила, что там правда была белочка. Только это спасло.

Мне сегодня приснилось, что Пушкин намочился под душем и превратился в ежика небольшого. Не полностью превратился, в середине только. Уши и хвост – наши, пушкинские, а середина мягкими иголочками покрыта.

Начала кстати думать о знаменитостях, воспоминания так и нахлынули. Сколько же их, великих-то людей! Прямо рядом с нами тусуют! Вон в соседней школе у нас Костя Кинчев учился. Рядом с ВДНХ они тогда жили. Скромный был мальчик, смирный.

Потом вот мой тогда еще не муж и теперь уже не с нами – концерт Цою устраивал, дома у себя. Хата у них большая была, родители свалили куда-то. И Цой, представьте себе это, он лично заштопывал штаны свои в этой исторической квартире. Потому что они тогда только что приехали с Питера и штаны в дороге поиздержались. И мой тогда еще и прочее – одолжил ему швейный материалов. Вот как приходится иногда соприкоснуться с вечностью. И где та иголка теперь!

А вот брат мой тоже поехал раз в Питер. По своим вообще-то делам, но по случаю у него оказался домашний гребешковский телефон. И вот он приезжает в Питер, крутит дела и звонит Бобу. Там долго гудки идут, потом трубку наконец снимают и Борис Борисович Г. роковым голосом возвещает:

– Учитель слушает!

На этом беседа прервалась к сожалению, потому что брат мой после этих значительных слов говорить уж не смог. Так и не приобщился.

Кандинский хотел писать так, чтобы передавать настроение непосредственно, минуя сюжет и форму. Он хотел сразу, одним только цветом, передавать состояние. Смотрите, – он говорил, – вот плащ богородицы синий. Он как милость небесная осеняет вас. А вот красный, цвет жертвы, цвет жизни...

К нему мало кто заглядывает в музеях. Зрители хотят сюжетов.

А он просто бескомпромиссный был. Он не искал понимания.

А масло менять, граждане, это очень просто. Тут это делают даже старушки. Заезжаешь в Волмарт сзади, и говоришь: Oil change, плиз. И наливают. Тридцать бакс и счастье пришло.

Так, теперь омыватель. Ага, есть такое и в американской машине. Крышечка такая симпатичная и нарисовано куда лить. Та все равно у нас шесть месяцев практически дождь, чего зря воду тратить. По хайвею просто почаще ездить, намылившись. Экономится приблизительно 175 долларов, если мыться по пять бакс, и 112,84, если по девять. За год, соответственно, экономится около 433 доллара 14 центов без учета износа дворников.

Ну я стесняюсь на форум автолюбителей так прямо с советами лезть, у меня же нет никакого практически опыта. Я вот недавно записалась на форум авиаторов, там тоже такое мужественное все, кругом авиаторы... Написала им про Чкалова, как он тут приземлился. Очень все-таки трудно быть умной все время. Устаешь с непривычки.

Ага, икра, в Америке. Икру я, уважаемые, не покупаю вообще. Черная тут потому что запрещена, рыбов жалеют. А красную я не люблю. Вот пытаюсь вспомнить, как там с икрой в Австралии. Кажется, там довольно-таки плохо с икрой. Хотя это конечно не точно. Вот гречку там точно продают. А тут зато пастила есть. Так много интересного в мире, если задуматься.

Тут, кстати, ресторан у нас тоже рыбный, прямо у моря. Все сидят на берегу и смотрят на котиков, у них при ресторане лежбище. Котики с виду такие милые. В волнах прыгают, улыбаются. А иной раз лабрадора какого-нибудь: цоп! И в море утаскивают. А хозяину – поводок, плюс приятные воспоминания.

Мда. А главная наша рыба называется лосось. Он тут живет, его все ловят, и запекают потом в духовке с лимончиком. И осетров ловят, и даже форельчиков. А недавно у нас в учительской кормили акулой. Дрянь редкостная. Я вообще эту школу ненавижу ужас уже как. Даже может больше чем дети. Хотя конечно не так еще пока, как педагоги. До педагогов мне пожалуй еще надо расти.

Хотя вот по утрам я уже представляю себе очень ясно, как школа эта провалилась на глубину восемнадцать километров, и земля поглотила ее бесследно... А сверху осталась только кучка засохших бенефитов, сухих как осенние листья. И черный ворон над ними кружит, и ухает на своем американском...

Причем вот сейчас зашел Пушкин со двора, где дождь метет, и листья все упали, и мокрый сидит на столе прямо, с ногами грязными. И в это время я тебе пишу. Я пишу, а с него стекает вода, и мусор прилип. Перья какие-то. Труха. Очень стыдно мне за русскую словесность. Даже не хочется уже продолжать, после такого.

Просто тьфу.